

Чтение про себя в древности (обзор античных свидетельств)

В дополнение к уже опубликованному нами анализу нескольких опорных свидетельств о технике чтения в древности (в сб.: Вспомогательные исторические дисциплины XX, Л. 1989, 239-251; далее: *Гаврилов*, 1989) приведем обещанный тогда же обзор свидетельств, гарантирующих, как нам кажется, надежное решение вопроса о технике (или, точнее, техниках) чтения в древности. В Список I включены пассажи из авторов, определенно или с большой степенью вероятности предполагающие чтение про себя. Список II перечисляет места, свидетельствующие о рефлексии древних по поводу различных видов чтения. Список III дает обзор мест, особенно часто служивших опорой для тезиса, будто древние читали только — или преимущественно — вслух. В Списке IV приведены некоторые слова и выражения для обозначения различных видов чтения в древних языках.

I. Места из авторов, свидетельствующие о чтении про себя

Hdt. I, 123-125. В отличие от сообщения Гистиея (5, 35), послано письмо; прочитано оно в уединении (ср. 3, 128, где письма зачитывает секретарь); ἀκούσας — такая же метафора, как и ἔλεγε, употребленное рядом применительно к содержанию письма; читать вслух, чтобы услышать текст от самого себя, было бы и странно, и опасно; ср. 8, 22, где чтение про себя также правдоподобнее.

Eur. IA 34 сл., ср. 107 сл. Агамемнону письмо дается мучительно, а, следовательно, он по частям, но и многократно его перечитывает. Между тем слуга, находясь неподалеку, о содержании письма *ничего* не знает.

Hipp. 856 сл. — подкрепление аргументации Б.Нокса, см. *Гаврилов*, 1989, 248-250.

IT 763 — загадка о письме, ср. ниже *Antiphanes*.

Arsph. Equ. 115 сл. — см. *Гаврилов*, 1989, 248-250.

Nub. 19 сл. Слова ὅτ' ἐπριάμην τὸν κοπλάτιον — реплика на деловую запись, читаемую, следовательно, молча.

Av. 960 сл. Скорее всего, Писфетер трижды берет из рук Прорицателя его βιβλίον, чтобы, бегло *взглянув* на текст, удосто-

вериться в тождестве произнесенного написанному; возможно, что после встречного λαβὲ τὸ βιβλίον (ст.980 сл.) надуватель, по крайней мере знакомясь с текстом, подобно Писфетеру охватывал его одним взглядом — разумеется, молча.

Ran. 51-52. Мог ли Дионис читать “Андромеду” на античном корабле вслух и быть уверенным, что он читает ее πρὸς ἑαυτὸν (даже если не приписывать этому выражению того технического значения чтения “про себя”, какое ему, наверное, уже здесь присуще)? А ведь чем меньше публичности в чтении Диониса, тем острее инвектива Аристофана против Еврипида: комедиограф постоянно стремится показать, что пьесы Еврипида — это не трагедия и даже не театр, а радость книжных гурманов, *Lesedrama* для снобов-индивидуалистов (ср. *Ran.* 943, 1114, 1409).

Plat. Phaedo 97bc; 98b. Пассаж приводится М.Бернетом в его готовой к опубликованию заметке для *Classical Quarterly*. Соглашаясь с призывом Бернета не делать слишком определенных выводов из ὄρω 98b, отмечу, что употребление глагола, выделяющего не-звуковую сторону процесса, в соседстве с ἀκοῦσας, которое в данном случае применено к восприятию текста во время публичного чтения, все-таки примечательно, ср. сходную последовательность ἀκοῦεῖν и ἐπισκολεῖν в *Phaedr.* 228a: за прослушиванием следует сидячая работа с книгой, по крайней мере отчасти происходящая молча (ср. *Protag.* 325 и *Leg.* 810-811).

Xen. Symp. IV, 27. Сократ и красавчик Критобул что-то ищут в одной книге, касаясь друг друга плечом и головой. В случае, если бы древние читали только вслух, такое расположение в пространстве трудно было бы сколько-нибудь убедительно мотивировать чтением. Хармид, напротив, без натуги понимает дело так, что совместное глядение в книгу ради чтения каждым *про себя* служит лишь благовидным предлогом. Из этого позволительно заключить, что окружающим даже и *совместное чтение про себя* хорошо известно, что при отсутствии достаточно больших тиражей особенно понятно.

Antiph. Sappho (= *Athen.* X, 73. 450e-451b). Загадка исходит из того, что письма *обычно* читаются молча (см. *Гаврилов*, 1989, 250 сл.).

Men. Epitrep. 211слл. (К.-Th.). По всей видимости, Сириск и, несомненно, Онисим читают надпись на печатке про себя, ибо не прочитав надпись вслух, они уже ее *пересказывают*. Ср. ниже *Plautus*.

Herod. 4, 21-25. αὐτὴν не могло стоять в надписи; перед нами пересказ того, что, следовательно, прочтено молча.

Plaut. Bacch. 729-995. Обе сцены с письмами восходят, может быть, к Δις ἑξαπατῶν Менандра. Реплика 790-793 произносится, пока Никобул молча читает. Примечательно и то, что в ст. 986 слл. *pellegere* не подразумевает автоматически, что чтение будет происходить вслух — напротив, именно чтение вслух настойчиво мотивируется, а это значит, что чтение про себя в таких случаях было нормой.

Cic. Fam. 9, 20. *Etiam* вводит новое занятие, предназначенное, в отличие от переписки, для слушателей. Ср. *Tusc. disp.* V, 116: чтение и слушание противопоставлены (см. Список II), а значит не мыслятся как непременно связанные одно с другим.

Эпизоды из жизни римских исторических деятелей конца республики с упоминанием чтения — см. ниже *Plutarchus, Suetonius*.

Horat. Наряду с описанием публичных чтений (*Epist.* и *Sat.*, *passim*) молчаливое чтение вне всякого сомнения представлено в *Sat.* II, 5, 51 слл.; *Epist.* I, 19, 34, по-видимому, также подразумевает чтение про себя как общераспространенную практику. О трех пассажах, часто приводимых в смысле свидетельства о чтении только или прежде всего вслух, см. Список III, s.v. *Horatius*. При адекватном истолковании эти пассажи (особенно определено *Sat.* I, 6, 122), свидетельствующие как раз о *регулярном и продолжительном* чтении про себя, по существу пополняют перечень случаев молчаливого чтения (т.е. настоящий Список I).

Ovid. Met. IX, 599 слл.: *lecta sibi parte*. При чтении вслух в присутствии человека *sibi* не имеет смысла.

Heroid. XX, 1 — см. ниже, Список III, s.v. *Callimachus*.

Petr. Satyr. 129. Если бы Энколпий читал вслух, было бы нелепо отмечать понимание служанкой (*intellexit*) того, что он уже прочел доставленное ему послание. Относительно *ab oculo legere* (*ibid.* 75), ср. Список IV, *sub fin.*

Quint. Inst. I, 1, 33-34: см. Список II, s.v. *Quintilianus*.

ibid. X, 3, 25. Для ученых занятий ночами необходимо, говорит автор, крепкое здоровье; между тем, о голосовых связках следовало бы подумать в первую очередь, *если бы* ночи напролет приходилось читать вслух.

Jos. Flav. Vita 219-223 Niese. Иосиф сумел ознакомиться с посланием *незаметно* от людей, находящихся рядом; иначе говоря,

он не только читает молча, но способен при этом не показать виду, что он это делает.

Plut. Cato XIX. Читая в сенатском зале ἡσυχῆ, Катон старался не привлекать к этому внимания даже своим видом, не говоря о голосе.

Cato XXXIV/Brut. V. Сопоставив параллельные рассказы Плутарха об одном и том же эпизоде, можно с полной уверенностью сказать, что Цезарь прочел письмо Сервилии молча (в “Бруте” прямо сказано σιωπῆ), между тем как Катон прочел его вслух, и дело было, конечно, не в навыках чтения, а в том, что один был Цезарь, а другой — Катон. Ср. *Brut. XXXVI, 1-3*: молчанию ночи и настроению Брута гораздо больше отвечает чтение про себя (раз уж мы видим, что таковое древним — и в частности Плутарху — известно издревле).

Anton. X. Передавая письмо, Антоний молчит, чтобы не выдать себя своим голосом; не говоря о других обстоятельствах, чтение переданного без слов письма *pro se* лучше вписывается в картину.

Plin. Min. Ep. V, 3: et lyricos lego et Sotadicos intellego — последний глагол дает прекрасный смысл: чтение нескромных стихов требует большей скромности, чем чтение высокой лирики. Sotadicus, однако, — гуманистическая конъектура вместо Socraticus рукописей, которое также не лишено смысла: понимание философских диалогов требует умственного напряжения, и если лириков хорошо читать — даже наедине с собой — вслух или с субвокализацией, то философский текст предпочтительно осваивать, по возможности освобождаясь от языкового выражения мысли, не говоря о сугубо звуковой форме слова. Возможно, что Плиний имел в виду именно это.

ibid. II, 3, 9; III, 15. Прямой противоположностью рецитации является именно молчаливое чтение.

ibid. V, 5, 5. Сновидение становится эффектнее, если явившийся во сне Нерон читает инвективу против себя в пугающей тишине.

Suet. Aug. 45 (ср. *Plut. Cato XIX*). Юлием Цезарем недовольны за то, что он занимается своей перепиской *во время* представлений. Что сказали бы о нем, если бы он громким чтением мешал другим слушать?

ibid. 39 (на этот пассаж мое внимание обратил А.И.Зайцев): способ Августа вручать провинившимся записки для прилюдного чтения про себя: *quos taciti et ibidem statim legerent*.

Lucian. Iupp. trag. 1. Метафора глотания книг (Εὐριπίδην δλον καταπελόκαμεν) вряд ли может относиться к чтению вслух, потому что слышимая речь имеет место на выдохе, а глотание — на вдохе, и всякий человек внутренне это знает; речь, таким образом, о “запойном” чтении про себя.

Adversus indoctum 2, см. Список II.

Iupp. confut. 3-4, см. Список IV.

Ach. Tat. I, 6. R. Beaton (*TLG, Letters May 24th 1991*, p. 15), кажется, прав, считая, что молодой человек, прогуливаясь у дверей красавицы, читает — вернее, делает вид, что читает — молча; чтение вслух было бы чересчур навязчивым. Что именно он читает, этого — *pase Beaton* — не знал, пожалуй, ни персонаж, ни автор романа.

ibid. V, 18-19. В первом случае герой читает письмо скорее молча, иначе не стоило бы сообщать стоящему рядом: *ἰδοῦ μοι διὰ γραμμάτων ἐγκαλεῖ*. (Второй раз, несмотря на выражения, указывающие на одни только зрительные впечатления, письмо читается, по-видимому, вслух, перемеживаясь с горестными комментариями читающего).

ibid. V, 24. Судя по выражению *εἶδεν* (δνομα) и по ситуации, Мелита читает письмо молча, что надежнее и тогда, когда она оказалась одна (*καθ' αὐτὴν γενομένη*).

Philostr. Vit. Apoll. VII, 1 (места из Филострата, касающиеся чтения, указаны мне Д.В.Панченко). Император *просматривает* (*διωρῶντα*) дело Аполлония спешно и сосредоточенно, т.е. молча. Относительно VIII, 31 и IV, 17 трудно сказать положительно, в какой форме протекали занятия с книгами: тихое чтение, впрочем, в обоих случаях уместнее.

Aristaenet. I, 10: *ἄρμασι περιθέουσα ἀνεγίνωσκεν καὶ ἡμίφωνον καταλέλοιπε λέξιν τὴν ἐπ' ἐσχάτῳ κειμένην. εἶπεν ἡ παῖς, ἀκήκοεν Ἄρτεμις*. Автор варьирует известный рассказ (ср. Список III, s.v. *Callimachus*) как раз в пункте техники чтения, особенно если понимать *ἡμίφωνον* не в том смысле, будто девушка понизила голос при произнесении этого слова; скорее, начав читать вслух, она упреждает вокализацию, наперед *прочитывая глазами*, т.е. про себя, слово *γαμοῦμαι*. Иначе говоря, она оставляет написанные на яблоке слова (*Ἀκοντίῳ γαμοῦμαι*)

прочтенными вслух наполовину, то ли вовсе без опасного для нее последнего слова, то ли не произнося его до конца. Тем не менее, и *ὑπόβουαι*, как понимает Аристэнет, было *произнесено внутренне*, так что перед Артемидой девушка уже связана-таки обещанием (ср. Список II, особенно s. v. *Lucianus*). В любом случае — замолчала ли девушка или понизила голос — она, по Аристэнету, осознала силу слова *ὑπόβουαι*, дочитав его *сначала про себя*.

Ambros. ep. 47, 1. Дается рекомендация писать собственной рукой, а затем *pendere oculis* написанное; при противопоставлении громкой диктовке, такое чтение с целью редактирования естественно мыслить молчаливым, иначе стоило бы сказать *pendere lingua* или *auribus* (ср. *Augustin. ep.* CXLVII, 5 Goldbach; *ibid.*, 9).

Possid. Vit. S. Augustini XXXI (=PL 32, p.63). У смертного одра Августина укреплены тексты псалмов, на которые он глядит, рыдая (*intuebatur et legebat, et iugiter ac uberrime flebat*). Нужно полагать, он читал их про себя: *iugiter flere*, читая вслух, невозможно или гротескно. Впрочем, в том, что Августин, как и Амврозий, умел читать про себя, не сомневаются, кажется, и те, кто готов более или менее радикально отказывать в этом античной цивилизации в целом.

II. Рефлексия древних над гигиеной, дидактикой и эстетикой чтения в обеих его разновидностях

Corp. Hippocrat., de victu (v. VI, 575 Littré). Чтение (*ἀνάγνωσις*) наряду с речью и пением является физическим усилием, а потому полезным упражнением. *Ἀνάγνωσις* без пояснения, но в соответствующем контексте означает здесь чтение вслух. Того, что врачи, рекомендуя чтение вслух как полезное физически упражнение, сами не читали про себя, это, конечно, не доказывает. О роли письменной культуры в этой среде см. обзор: *Gordon L. Miller, Literacy and the Hippocratic Art: Reading, Writing, and Epistemology in Ancient Greek Medicine // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences №45 (1990) 11 ff.* (благодарю Л.Я.Жмудя за указание на эту работу).

Aristot. Rhet. III 1413b-1414a. Богатый анализ различия между *ὑφαφικῆ* и *ἀγνωστικῆ τέχνη* предполагает противопоставление обеих речевых разновидностей. Между тем противоположностью слушанию речи в общественном месте является, строго говоря, не чтение вслух в отсутствие толпы, а чтение и в уединении, и про

себя, на что, надо думать, отчасти и указывают у Аристотеля слова ἐν ταῖς χερσίν.

Cic. Tusc. Disp. V, 116: multo maiorem percipi posse legendis his (scil. citharodorum cantibus) quam audiendis voluptatem. Глухой способен не только воспринимать и *безмолвно озвучивать* тексты и напевы, раз он в состоянии полноценно наслаждаться ими (ср. чуть выше *ibid.*, 113 — рассуждение о слепом геометре).

Quint. Inst. I, 33-34: certa sit ergo in primis lectio, deinde coniuncta et diu lentior, donec exercitatione contingat emendata velocitas. Nam prospicere in dextrum (quod omnes praecipunt) et providere, non rationis modo, sed usus quoque est; quoniam sequentia intuenti priora dicenda sunt, et, quod difficillimum est, dividenda intentio animi, ut aliud voce, aliud oculis agatur. Здесь, по существу, постигнут феномен, известный в современной науке о чтении как *eye-voice span*. Тонкое понимание процессов, имеющих место при чтении, притом с емкой оценкой различных достоинств и недостатков чтения вслух и чтения про себя, поставлено, таким образом, у Квинтилиана в дидактический контекст.

Martial. epigr. Если матроны боятся, что их застанут с эпиграммами Марциала в руках (III, 68, 69, 86; XI, 16, ср. V, 2; XI, 15), то *произносить*, читая их вслух, иные тексты и слова было бы совсем *скандально*; ср. III, 68, 10 и примечательное (пусть осложненное текстологически) XI, 16, 8 утверждение (*uda, puella, leges*), относящееся к чему угодно, но не к голосовым связкам.

Plin. ep. IX, 36: clare et intente non tam vocis causa quam stomachi lego — рекомендация в духе гиппократовской школы (ср. выше в этом перечне). В том же духе *Plut. de tuenda san. 16 (Mor. 130)*.

Ptol. Judic. 5, 1-2. Анализ этого пассажа в упомянутой выше статье для *Classical Quarterly*, дает М.Бернет, выявляя тем самым первое из доступных нам *сознательное сопоставление* обоих видов чтения.

Lucian. adv. indoct. 2 σὸ δὲ ἀνεφύμένους τοῖς ὀφθαλμοῖς ὄρας τὰ βιβλία ἢ διὰ κατακόρας καὶ ἀναγιγνώσκεις ἕνα πάνυ ἐπιτρέχων φθάνοντος τοῦ ὀφθαλμοῦ τὸ στόμα. На наш взгляд, нападки Лукиана косвенно дают основание предполагать у автора уже известное нам из Квинтилиана понимание того, что опытный чтец умеет забегать глазами вперед читаемого текста. При этом автор понимает, что само по себе это искусство еще не говорит о способности по-настоящему постигать читаемое.

Indoctus, сказали бы мы, имеет eye-voice span опытного читателя, но этого достаточно лишь для того, чтобы слыть образованным человеком, а не для того чтобы быть таковым на самом деле. Иначе говоря, весьма тонкое понимание природы чтения, а именно осознание *неразрывной связи* (до взаимопроницаемости!) чтения вслух с чтением про себя служит у Лукиана эпистемологическим фоном его инвективы против *имитации культурных форм*.

Aul. Gell. XIII, 30 (31). Анекдот о *saninum grandium* и о дутой учености (наше внимание к этому пассажи привлек М.Бернет) включает в себя верное наблюдение: когда читающий не усматривает и не угадывает заранее смысл текста, удовлетворительно прочесть его он не способен. Эта констатация была в древности еще очевиднее из-за той степени читаемости и графического комфорта, какие обеспечивала читателю античная книга. Об этой стороне дела, а именно о не слишком *в среднем* высокой по современным понятиям *Lesbarkeit* античных текстов, убедительнее, надо сказать, чем о технике чтения в древности, пишет В.Райбле (*W.Raible. Zur Entwicklung von Alphabetschrift-Systemen. Heidelberg, 1991*)

Diog. Laert. IV, 31. Чтение Пиндара способно $\phi\omega\nu\eta\varsigma \epsilon\mu\pi\lambda\eta\sigma\alpha\iota$. Думается, речь не о публичных чтениях, где этот эффект зависит скорее от чтеца, чем от оглашаемого автора, а о *внутреннем озвучивании* ("innere Aufführung", по слову Гете) читаемого *про себя* художественного текста, т.е., как мы сказали бы, опираясь на современную терминологию, о сознательной или даже артистической субвокализации.

Auson. Liber Protrepticus 46 слл. Совет ученого поэта своему юному внуку читать Гомера и Менандра вслух со смыслом, чувством и расстановкой (ср. *Genethliacos* II, 112 слл.) предполагает, что питомец *может и не делать* этого, предпочитая менее поддающееся контролю учителей молчаливое чтение. Мы вновь наблюдаем подобающую оценку сложности тех задач, какие ставит выразительное чтение высоких литературных образцов; без многократных проб (в том числе без предварительного чтения про себя!) этого сделать нельзя; художественное чтение классиков вслух в свою очередь улучшает, как наверно понимает Авсоний, не только дикцию, но и качество чтения вообще: *Genethliacos ad Auson. nep.* 4-5.

Greg. Naz. In Basilium epitaph. LVII, 1. Григорий Назианский практикует чтение "Шестоднева" Василия *как вслух, так и про*

себя, но первое экзальтирует Григория больше, ибо он благоговееет перед словами Василия даже в их материальной, а именно звуковой, оболочке.

August. de dialect. V, 11. Метафизический и эпистемологический контекст этого пассажа: от зримых знаков *прямо* к лицезрению Бога; вокализация мыслится здесь, в отличие от приведенного только что пассажа из Григория Назианского, как помеха.

Isid. Sentent. III, 14 (=PL LXXXIII 689 B): *acceptabilior est sensibus lectio tacita quam aperta; amplius enim intellectus instruitur, quando vox legentis quiescit, et sub silentio lingua movetur. Nam clare legendo et corpus lassatur et vocis acumen obtunditur.* Оба вида чтения сопоставлены в общем виде; не исключено, что епископу Севильскому вспоминается при этом безусловно хорошо известный ему пассаж из *August. Conf.* VI, 3, повидимому, в том самом понимании, которое нам приходилось заново обосновывать (Гаврилов, 1989, 243-248). Примечательно при этом, что рассуждение Исидора носит характер рекомендации читателям, предвзяря ту пропедевтику чтения, в рамках которой некоторые из приведенных выше античных свидетельств и идей тысячу лет спустя появляются в новой Европе у иезуита Ф.Саккини (в самостоятельном, надо сказать, освещении). Если верна наша догадка, что и сам Исидор, и многие из его христианских читателей легко угадывали за приведенной выше цитатой пассаж из Августина о чтении Амвросия, высказывание Исидора получает некоторое значение в становлении опровергаемой нами концепции: Исидор невольно подготовил ей почву, поскольку он подспудно изолировал эпизод из "Исповеди", переведя его из *экзистенциального контекста в область пропедевтики* чтения. Это облегчило последующее (неадекватное) истолкование августинова пассажа как — будто бы — культурологически ключевого свидетельства в вопросе о чтении и вслух и про себя для всей античности.

Привлечение такого жанра как педагогика чтения (*Lesepro-pädeutik*) к истории занимающего нас вопроса является заслугой Э.Шена: *Erich Schön, Der Verlust der Sinnlichkeit oder die Verwandlungen des Lesers. Stuttgart 1987, 99ff.* (Признание этого обстоятельства не означает, впрочем, нашего согласия с концепциями этого автора, который склонен выводить *факты* обыденной жизни из сложных культурно-исторических *конструкций*). Особенно любопытна одна из привлеченных Шеном ранних пропедевтик чтения: *De Ratione librorum cum profectu legendi libellus deque vitanda noxia lectione. Oratio Francisci Sacchini e societate Jesu. Ed. nova, s. l., 1615; см. в особенности cap.14: Silentione,*

an voce legendum (р. 106-112). Используя ряд античных высказываний, Саккини разъясняет, когда именно и почему уместен *каждый* из видов чтения; с Исидором, подчеркнувшим преимущества чтения про себя, Саккини отчасти полемизирует. При этом Саккини *прямо* включает в пропедевтику чтения *пассаж из Августина* о чтении Амвросия, сыгравший столь опасную роль впоследствии (см. ниже, Список III sub fin.). Саккини понимает текст Августина скорее всего так, как этого требует контекст. Что касается техники чтения по Августину, то Саккини справедливо, хотя и несколько наивно утверждает, что Августин не был против чтения вслух. Толкования, что Августин поражен чтением про себя как чем-то необычным, *нет*, таким образом, ни у Саккини, ни у Исидора (у которого, как мы догадываемся, пассаж из Августина, переведенный в плоскость пропедевтики чтения, *подспудно* имеется ввиду).

III. Места из авторов, часто служившие опорой тезиса о неумении древних читать про себя

Callimachus, Aetia III, fr. 75. Рассказ позаимствован, возможно, из кеосского логографа V в. до н.э. Ксеномеда (*H. Bopp, Inscia capta puella. Akontios und Kydippe bei Kallimachos und Ovid. In.-Diss. 1966, 21, n. 1*). Чтение надписи на яблоке вслух делает невольную клятву более осознанной и обязующей для самой героини, раз она *услышана* окружающими и самой Артемидой (ст. 22-27 наивно напоминают, что богиня в этот момент была как раз на Делосе). Того же держится Овидий *Heroid. XIX* 20, 64, 98, 212 (Merkel), хотя для него чтение надписи вслух определено не означало неспособности героини читать про себя (ср. *ibid. XX, 1 sine murmure legi*). Интересна трансформация мотива у Аристанета, и как раз применительно к тому, *как* читала Кидиппа — ср. выше Список I s.v. *Aristaenet.*

Horat. В отличие от мест, приведенных в Списке I, три горациевых пассажа часто давали повод говорить о преобладании практики чтения вслух. На деле все эти три пассажа свидетельствуют как раз об обратном — о вдумчиво-нешумном, *молчаливом* общении поэта с творениями других (более подробный анализ этих мест см. *А.К.Гаврилов, Чтение и покой у Горация // Древний мир и мы, т. I* [в печати]):

1. *Sat. I, 6, 122* слл. не только прямо вводит молчаливые занятия поэта, но и делает это не ради восхваления своих способностей, а для демонстрации лирической несуетности поэта; речь идет о привязанности к душевному покою, а не о (тривиальной) способности читать про себя

или о (нелепом) отказе от чтения вслух как такового (ср. *Sat.* I, 9, 1-2. 12. 33-34. 78; *Epist.* I, 4, 3 слл.).

2. *Sat.* I, 3, 63 слл., где *legentem aut tacitum* различены не по линии “читать (вслух) — сидеть (молча)”, а в смысле “читая, узнавать чужие идеи — думая, развивать собственную мысль” (метко *Ps.-Acro: legentem aut cogitantem*).
3. *Sat.* II, 7, 1 слл. Раб не ждет паузы в рецитации, а прислушивается (*auscultare* — только здесь у Горация) к тишине в комнате читающего хозяина. Чтение про себя здесь — реалистическая деталь, заодно используемая как средство показать необходимую замкнутость поэтического мира, недоступную для словоохотливого слуги.

Ovidius. См. выше s.v. *Callimachus* и Список I s.v. *Ovidius*; *Ep. ex Ponto* III, 5, 7 слл., где слова *properante lingua* допускают, но не обязательно предполагают чтение речей Максима вслух (ср. Список II, s.v. *Isidorus: sub silentio lingua movetur*).

Act. Ap. 8: 28-30. Громкое чтение, которое слышалось из коляски евнуха, истолковывалось по-разному: евнуху читал отец; евнух читает вслух, потому что текст особенно труден или оттого, что древние книги вообще трудно было читать; некоторые, наконец, предлагали понимать эту черту сцены не в буквальном смысле и т.д. Кэдбери (*H.J. Cadbury, The Book of Acts in History, London 1955, 18*) был одним из многих, кто соединяет толкование этого пассажа с тезисом о преобладании чтения вслух в древности. Решает дело, на наш взгляд, материал из иудейской традиции, требовавшей чтения священных книг вслух (*Das Evangelium nach Marcus, Lucas und Johannes und die Apostelgeschichte. Erläutert aus Talmud und Midrasch von H.L. Strack und P. Billerbeck, München 1956, 687*), не говоря о естественном желании прочесть вслух высокопоэтический текст.

Priapea 68 Bücheler. Если бы хозяин не читал в саду вслух, садовому Приапу было бы трудно бросить на гомеровские сюжеты приапический взгляд (ср. Ахилл Татий, VI, 16, где героиня вслух думает, чтобы стоящие близ хижины персонажи узнали ее мысли, ее происхождение etc.).

Lucian. adv. ind. 2. Инвектива — как мы старались показать выше (Список II), — касается как раз ловкости неуча-всезнайки в технике чтения (будь то вслух, будь то про себя) и свидетельствует о том, как тонко понимал Лукиан соотношение обоих видов чтения. Нелепо считать, что Лукиан упрекает своего героя, будто

тот читает *не так, как начинающие*, и тут же смеется над малограмотностью в буквальном смысле слова, что было бы для Лукиана и непоследовательно, и грубо.

Jurr. conf. 4 Необходимо учесть, что в греческой традиции ἀκοῶν τῶν ἐπῶν не только не исключает, но даже часто подразумевает чтение про себя, особенно в паре с λέγειν, когда последнее применено к извлекаемому из текста сообщению (см. ниже Список IV, s.v. ἀκοῶν); еще *G.D. Kypke* (*Observationes Sacrae in Novi Foederis libros, Wratislaviae 1775, v. II, p. 427*) правильно сформулировал, что ἀκοῶν относится в греческом обиходе не только к публичному чтению, *praelectio*, но и к чтению про себя, *lectio*.

Heliod., Aethiop. IV, 18 ἐπερχόμενος τοιάδε ἡῤισκὸν τὸ γράμμα διηγούμενον. Далее следует цитата, прерывая которую, рассказчик восклицает: ἐπάγγην ὡς τοῦ Περσίηνς ὀνόματος ἤκουσα. Чтобы правильно оценить это ἤκουσα, давшее повод видеть в настоящем пассаже чтение письма вслух, следует обратить внимание на соотношение διηγούμενον (о письме) и ἤκουσα: раз уж письмо *рассказывает*, то даже и тот, кто его про себя читает, *как бы его слышит* (ср. *Hdt.* I, 123-125 и *Plat. Phaedr.* 97bc в Списке I).

August. Conf. VI, 3, 3. Пассаж разобран нами подробно (*Гаврилов*, 1989, 243-248) как пример, сыгравший особую роль в истории разбираемого вопроса; текст любопытен поэтому *герменевтически*, а исторически важен скорее в плане раскрытия психологии Августина и, отчасти, Амврозия: Августин задет тем, что Амврозий, читая про себя, занимался не им, Августином, и его великим будущим, а своими книгами и своими будущими задачами. Применительно к технике и истории чтения интересного в этом отрывке решительно мало. Поэтому парадоксально (хотя и понятно в рамках христианско-гуманистической культуры с ее своеобразными акцентами), что именно этот эпизод из позднеантичного автора приобрел такое значение применительно к истории чтения, повлияв на представления о практике чтения у древних вообще.

IV. Некоторые греческие и латинские выражения применительно к различным формам чтения

а) Обозначения чтения, *недифференцированные* в отношении чтения вслух *или же* про себя и лишь в той или иной степени проясняемые из контекста или ситуации (ср. в новых языках:

читальный зал, чтения памяти *N.N.*, выразительное чтение, обширное чтение, читать лекции и т.п.)

ἐπιλέγομαι (в особенности Геродотово словоупотребление, подхваченное затем поздними греческими писателями)

ἀναγινώσκω (засвидетельствовано с *Pind. Ol. XI, 1sqq.*)

Идея, лежащая в основе обоих выражений, — “повторить” или “распознать”, иначе говоря, — воспроизвести сохраненную с помощью знаков речь. Лат. (*per-, pel-*) *lego*; *ab oculo (-is) legere* означало, как нам кажется, чтение *à livre ouvert* — не обязательно, но скорее вслух.

Специфическим характером обладало ἀκοῶν, которое в греческом применительно к чтению чаще, чем в новых европейских языках, означало “воспринимать закрепленное в слове” независимо от способа чтения. Иначе говоря, ἀναγινώσκω и ἀκοῶν правильно рассматривать в паре: если первое тяготеет к ситуации, когда текст зачитывается, то второе, надо сказать, неожиданно образом все чаще было относимо к чтению про себя.

Словоупотребление и обороты с ἀκοῶν недавно были внимательно изучены (*Dirk M. Schenkeveld. Prose Usages of ἀκοῶν — “to read” // CQ42 (1992) 129ff.*). В результате выяснена специфика и хронология словоупотребления, а вместе и опасность буквальной экстраполяции ἀκοῶν на “oral communication” (*op. laud.*, 138). Невзирая на то, что сам Схенкефелд примыкает к мнению о “preponderance” чтения вслух в древности (р.130, 138), на деле отчетливо представленный им материал лишает то самое направление, к которому автор примыкает, возможности опираться на ἀκοῶν, понимая последнее применительно к знакомству с текстами в буквальном — так сказать, физиологическом — смысле; автор и сам замечает (р.136), что к словоупотреблению римского времени его объяснение не подходит. Что касается происхождения ἀκοῶν — “читать” и оборота ἡκούσα ἡ λέγοντος в ситуации чтения, то мы считаем, что дело здесь не в публичном чтении текстов (как бы популярна ни была эта практика), но именно в фикции “conversation on paper” и в поддержании этого “code of conversation” (Schenkeveld 139), а позже — в переходе этих выражений в *façon de parler* манерно-литературной речи. В самом деле, стоит ли объяснять название Плутархова трактата *πῶς δεῖ τὸν νεὸν ποιημάτων ἀκοῶν* остатками оральной культуры, если лет за 300 до него Хрисипп писал *περὶ τοῦ πῶς δεῖ τὸν ποιημάτων ἀκοῶν* (*D.L. VII, 200*)? Разве нас смущает, что поэты

новой Европы “пели” до начала XIXв., да и позже, если только держались ориентации на классицизм?

б) Для однозначного обозначения чтения вслух, особенно во время публичных ἐπιδείξεις (E.Rohde. *Der griechische Roman und seine Vorläufer*, Berlin, 1960, 327-329), или ἀκροάσεις, можно было бы сказать δημοσία ἀναγιγνώσκειν (*Malchos frgm.* 20 = *FHG IV*, 132), (*Athen.* X, 432 B) и т.п. Чтение вслух наедине с собой могло определяться, например, как διὰ γλώσσης φέρω (*Greg. Naz. In Basil. epitaph.* LVII, 1). Лат.: recito, praelego.

в) Не допускающим разнотолкований обозначением чтения про себя явилось выражение πρὸς ἑαυτὸν ἀναγιγνώσκειν (*Arsp. Ran.* 51-52) или καθ' αὐτόν (*Agath.* III, 23 — последний пример указан нам С.Р.Тохтасьевым), ср. русск. “читать про себя”, т.е., первоначально, “для себя”. По существу равнозначны были словосочетания ἀναγιγνώσκειν ἡσυχῇ (*Plut. Cat.* XIX) или σιωπῇ (*Plut. Brut.* V); ἡρέμα ἀναγιγνώσκειν означало собственно тихое чтение (ср. лат. *cum murmure*) и было, кажется, не столь определенным в занимающем нас отношении. (Μόνους) ὄμμασι (*Agath.* III, 23), ὄψει μόνῃ (*Greg. Naz. In Basil. eritaph.* LXXII, 1) ἀναγιγνώσκειν (διέναι, ἐπέρχεσθαι, περιθεῖν) также указывало на молчаливое чтение; καταλίνειν еще ярче характеризовало страсть к обширному, иначе говоря — молчаливому чтению.

Старым выражением для указания на чтение прежде всего про себя служило, по-видимому, и ἐποράω (*Hdt.* I, 48, где ἤκουσε, стоящее рядом, не противоречит, как разъяснено выше, чтению про себя); также ὄρω и ἐπισκοπῶ (*Plat. Phaedo.* 98b и *Phaedr.* 228b); διορῶ (*Philostr. Vit. Apoll.* VII, 1) указывает на беглый просмотр текста, *skipping* и т.п. В лат. яз.: sibi, tacite, (sub) silentio legere; percurrere oculo etc.

Некоторые выводы

1. Приведенный выше обзор заведомо неполон: не говоря о неизвестных нам случаях, мы иногда опускали те, которые казались нам недостаточно отчетливыми или не слишком интересными в занимающем нас смысле. Тем не менее, некоторые выводы на основании кратко прокомментированных нами примеров сделать возможно.

2. То обстоятельство, что чтение про себя в древности в принципе без сомнения известно, а говорят о нем древние не так уж часто, свидетельствует не о том, что практика эта была ред-

кой, а о том, что она была *тривиальной* и не вызывала интереса сама по себе. Авторы приводят сцены с чтением про себя не ради того, чтобы засвидетельствовать это занятие и обеспечивающие его человеческие способности, а ради той или иной косвенной цели: пересказать какой-либо исторический эпизод, где чтение про себя играло ту или иную роль; воссоздать атмосферу каждодневной жизни — цель, которой дорожило веристическое искусство; использовать драматический потенциал, присущий именно молчаливому чтению таких текстов, которые способны изменить судьбу персонажей и т.д.

3. Именно в связи с последним обстоятельством *сцены чтения* в драме, историографии или в художественной прозе сопряжены обычно с чтением небольших текстов; созерцание человека, часами погруженного в занятие, интересное ему одному, для драмы непригодно. В эпосе чтение воспринималось как анахронизм, а в лирике не годилось как действие, требующее известной уравновешенности, а потому недостаточно лиричное. Таким образом, мнение, что в древности читались про себя именно или прежде всего краткие тексты (письма, документы и т.п.), представляет собой недостаточно вдумчивый вывод из имеющихся в нашем распоряжении свидетельств. Некоторое преобладание чтения про себя кратких текстов или недолгое молчаливое общение читателя с текстом — это не более (и не менее), чем *evidence trap*. Если проявим осторожность в этой опасной ситуации и привлечем больше свидетельств, становится ясно противное (и естественное): чем обширнее были тексты, тем охотнее образованная античная публика читала их про себя.

4. С учетом этих соображений приведенные выше свидетельства можно признать и достаточно многочисленными, и распределяющимися — по крайней мере во временном плане — весьма *равномерно* на всем протяжении античной цивилизации.

5. Что касается *рефлексии древних* относительно чтения про себя, вслух или природы чтения вообще, то здесь можно наблюдать характерное и во многих других случаях явление: представления античных писателей уступают в точности данным современной науки, однако сбалансированностью подхода нередко превосходят и ее, не говоря уж об обыденном сознании современного среднего человека. В отношении чтения у древних можно наблюдать критически емкое отношение к обеим его разновидностям и признаки существования дидактической, эс-

тетической и эпистемологической оценки каждой из этих разновидностей без однобокого предпочтения какой-нибудь из них.

6. Древние безусловно понимали важность правильного чтения вслух при обучении чтению; осознавали высокие требования, предъявляемые к художественному чтению перед слушателями, как способному донести до многих достоинства литературного произведения; знали древние авторы и важность громкого перечитывания написанного при взыскательном саморедактировании и т.д. Но они же знали цену и тому, что дает молчаливое чтение: сосредоточенность, возможность при меньших физических затратах освоить текст быстрее, пропустить ненужное, наконец, если нужно или хочется, создать, читая про себя, аналог чтения вслух (то, что мы предлагаем называть артистической субвокализацией). Примечательны и прозрения древних относительно таких изучаемых и даже измеряемых современной наукой сторон чтения, как *eye-voice span* и *субвокализация* (разумеется, *ante pomen*); древние, нам кажется, приближаются к тому, чтобы осознать взаимопроницаемость обоих видов чтения, что нелегко дается и сегодня.

7. Таким образом, данные современной науки о сложной природе чтения, обнаруживающие глубокую и неразрывную связь между чтением вслух и чтением про себя, оказываются, как можно было ожидать, и применимыми к древности, и положительно соответствующими тому, что дают античные свидетельства. Широкое использование чтения про себя и его преимуществ отвечает и бурному росту знания и книжности, появлению частных и общественных библиотек, потребностям как элементарного, так и высшего образования — всему тому, что мы застаем на подъеме уже в раннеклассическое время. *Ceteris paribus* (или, если угодно, *imparibus*), мы опять находим в античности мир, в существенных чертах весьма близкий нашему.

А.К.Гаврилов
Bibliotheca Classica Petropolitana

Als eine Ergänzung zu seinen früheren Veröffentlichungen (A.Gavrilov. *Zur Technik des Lesens im klassischen Altertum*, in: *Vspomogatelniye istoriceskiye disciplini XX*, Leningrad 1989, 239-251, russisch; auf Deutsch in gedrungener Form s.idem, *Lautes und stilles Lesen im Altertum*, in: *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*, t.33, Budapest 1990-1992, 111-115) gibt der

Verf. eine kurz kommentierte Übersicht der Stellen, die das Bestehen der Praxis des stummen Lesens im klassischen Altertum seit jeher bezeugen. Vier Listen sind aufgestellt: **Liste I** enthält die Stellen, wo das stumme Lesen sicher oder plausibel ist. **Liste II** gilt denjenigen Äußerungen der Alten, die stilles Lesen bzw. beide Arten des Lesens zum Gegenstand irgendeiner theoretischen Betrachtung machen oder diese beinhalten, d.h. die Bekanntschaft der Alten mit der stummen Lektüre *a fortiori* zur Voraussetzung haben. **Liste III** behandelt solche *loci*, die seit mehr als zwei Jahrhunderten nur zu oft als Zeugnisse dafür, daß das stumme Lesen in der antiken Welt unbekannt oder sehr selten war, zitiert worden sind, obwohl sie bei näherer Betrachtung gerade die Trivialität des stillen Lesens in der täglichen Praxis der Alten (meistens unwillentlich) bekrunden. **Liste III** kann damit als hermeneutisch interessantere Vervollständigung von **Liste I** betrachtet werden. **Liste IV** führt einige Ausdrücke der alten Sprachen auf, die beide Arten der Lesetechnik indifferent oder auch differenziert beschreiben. — Von dem Moment ab, wo unsere Quellen sowohl ihrer Quantität wie ihrer Mannigfaltigkeit nach reichlicher zu fließen beginnen, sind in den literarischen Genres, die im Unterschied zu Epos und Lyrik die Lektüre überhaupt und die stille Lektüre insbesondere kaum ausschließen, also im Drama, in der Kunstprosa und Historiographie, die Erwähnungen der stillen Lektüre ziemlich gleichmäßig verteilt. Der Umstand, daß das stumme Lesen vor allem der kurzen Texte dabei in den Vordergrund tritt, ist für eine direkte historische Schlußfolgerung unbrauchbar, weil eine solche Lektüre auf den höheren dramatischen Wert der kurzen schicksalsträchtigen Texte hinweist, keinesfalls aber für eine Lesestatistik ausgeweitet werden darf. Im Ganzen kann die Einstellung der Alten zu den beiden Arten der Lesetechnik und ihre Einschätzung der Vor- bzw. Nachteile der beiden auch heute als treffend bezeichnet werden. Der heutigen wissenschaftlichen Erforschung des komplexen Lesevorgangs kaum ebenbürtig, scheint die Reflexion der Alten über das Lesen seit klassischer Zeit bis ans Ende der Antike mitunter tief sinnig und beinahe immer ausgewogen gewesen zu sein.